

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО (СТ. 171 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ ФОРМЫ ВИНЫ

Коробейников Д. В.

Российский государственный университет правосудия,
студент 1 курса магистратуры

В современных условиях глобализации большинство государств активно ведут политику расширения своих экономических связей, направленную в первую очередь на увеличение своих так называемых неналоговых источников пополнения бюджета, а вследствие чего и на улучшение уровня жизни своих граждан. Становление и развитие предпринимательства внутри государства является необходимостью, поскольку именно оно служит первоочередной базой для проведения такой политики. При этом следует понимать, что социально полезными могут быть результаты лишь от предпринимательства, реализующегося в рамках закона, потому как именно оно способствует не только формированию устойчивого благосостояния отдельно взятых людей, но и в целом снижению бедности и смертности, формированию в обществе среднего класса, повышению инвестиционной привлекательности для иностранных контрагентов.

С учетом того, что в современном мире участились случаи, когда предприниматели просто не регистрируют свою деятельность по самым разным причинам, начиная от незнания, заканчивая нежеланием тратить деньги¹, актуальной проблемой является совершенствование законодательства в этой сфере, включая и ее уголовно-правовую охрану.

Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство установлена в ст. 171

УК РФ². Под ним понимается предпринимательская деятельность (понятие которой закреплено в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ³), осуществляемая без государственной регистрации. В современных публикациях поднимается вопрос о несовершенстве действующего уголовного законодательства об ответственности за экономические преступления, в том числе и за незаконное предпринимательство. В частности, Я. Е. Иванова пишет, что «со времени криминализации незаконного предпринимательства прошло более полутора десятилетий. Накоплен большой опыт применения данной нормы, изучены возможности и последствия ее применения, стабилизировались экономические отношения, организованные на началах регулируемого рынка. В новых условиях обоснованность действующей нормы о незаконном предпринимательстве вызывает серьезные сомнения в контексте адекватности санкции опасности деяния и социально оправданной ценностной ориентации уголовной политики, определяющей пределы государственного вмешательства в экономику»⁴.

Представляется, что данная норма требует определенных теоретических доработок, которые найдут прямое отражение при дальнейшем применении данной нормы на практике и позволят наиболее эффективно использовать такой инструмент государственного регулирования, как уголовно-правовой запрет.

¹ См.: Лепинь К. Понятие предпринимательской деятельности и незаконного предпринимательства // Административное право. 2016. № 4. С. 21, 25.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ Иванова Я. Е. Незаконное предпринимательство: социальная обусловленность уголовно-правового запрета. М., 2011. С. 24, 25.

В частности, немаловажным является вопрос установления субъективной стороны данного преступления, поскольку, во-первых, согласно ст. 8 УК РФ она является частью основания уголовной ответственности, во-вторых, правильное установление субъективной стороны преступления позволяет правоприменителю отграничить преступные деяния от непроступных, в-третьих, субъективная сторона необходима для соблюдения принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, в части индивидуализации наказания, и в-четвертых, субъективная сторона позволяет разграничить между собой преступления, которые сходны по объективным признакам.

В отдельных случаях законодатель прямо указывает форму вины непосредственно в статьях Особенной части УК РФ. Так, для ч. 1 ст. 105 УК РФ предусмотрено только умышленное, а для ч. 1 ст. 109 УК РФ — только неосторожное отношение к общественно опасным последствиям в виде смерти человека. Но когда такое указание отсутствует, вопрос об установлении позиции законодателя приобретает важное практическое значение⁵.

В статье 171 УК РФ закреплено, что уголовная ответственность за незаконное предпринимательство наступает, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. В статье 24 УК РФ указано, что деяние может быть совершено умышленно или по неосторожности. При этом деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. То есть когда в статье специально не предусмотрено указание на неосторожную форму вины, деяние будет считаться преступлением в случае его совершения «не только по неосторожности», а значит, и в случае его совершения

по неосторожности, и в случае его умышленного совершения⁶.

Существует позиция, согласно которой состав данного преступления является формально-материальным⁷. Каких-либо специальных указаний на форму вины законодатель не сделал, а, следовательно, теоретически субъективная сторона, например, при материальном составе данного преступления может быть выражена во всех установленных законом формах и видах вины. То есть лицо, осуществляя незаконное предпринимательство, могло предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде крупного ущерба и желать их наступления, либо не желать, но сознательно допускать их или относиться к ним безразлично. Также оно могло предвидеть возможность наступления данных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывать на их предотвращение, или могло не предвидеть, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Однако такой теоретический подход едва ли можно признать правильным. При определении формы вины в незаконном предпринимательстве как теоретики, так и практики высказывают точки зрения, которые по своему содержанию не только не едины, но зачастую взаимоисключают друг друга. Например, С. А. Плотников полагает, что незаконное предпринимательство может быть совершено только умышленно⁸, при этом умысел может быть как прямым, так и косвенным. Для того чтобы установить конкретный вид умысла, необходимо выяснить, что именно было совершено лицом: извлечен доход в крупном размере или причинен крупный ущерб гражданам, организациям, государству. «В первом случае речь может идти только о прямом умысле. Виновный

⁵ См.: Пудовочкин Ю. Е., Дорогин Д. А. Учение о преступлении и о составе преступления. М., 2017. С. 93.

⁶ См.: Там же. С. 94.

⁷ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. С. 536.

⁸ См.: Плотников С. А. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 19.

осознает, что он осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность, и желает совершить подобные действия. При причинении же крупного ущерба гражданам, организациям или государству имеет место как прямой, так и косвенный умысел. Виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба и желает его причинения или относится к нему безразлично»⁹.

Противоположной точки зрения придерживается И. А. Клепицкий. По его мнению, «зарубежный опыт показывает, что эффективная борьба с хозяйственной преступностью невозможна иначе как путем установления жестких требований к предпринимателям и хозяйственным руководителям, с тем чтобы они, осуществляя деятельность в сфере народного хозяйства, уважали права и законные интересы других участников рынка, потребителей и общества в целом»¹⁰. То есть автор выступает за то, чтобы усилить борьбу с так называемой хозяйственной преступностью путем расширения числа неосторожных преступлений в данной сфере.

Другим сторонником возможности совершения незаконного предпринимательства с неосторожной формой вины выступает Т. Д. Устинова, по мнению которой лицо, осуществляя деяние, предусмотренное ст. 171 УК РФ, полностью осознает неправомерность своих действий (бездействий) и предвидит, что не соблюдение установленных правил, особенно лицензирования и его условий, может привести к причинению ущерба как его контрагентам, так и отдельным потребителям товаров, услуг, но без достаточных к тому оснований, самонадеянно рассчитывает на предотвращение таких последствий, либо не предвидит, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должно и могло было это предвидеть¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 62, 63.

¹¹ См.: Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую и банковскую деятельность // Законность. 1999. № 7. С. 41–44.

Представляется, что позиции, признающие возможность наличия неосторожности при незаконном предпринимательстве, являются недостаточно обоснованными.

Во-первых, внесение уточнения в части неосторожности незаконного предпринимательства на законодательном уровне является едва ли оправданным с точки зрения нынешней уголовной политики в отношении экономических преступлений в целом, иначе это можно рассматривать как необоснованное ужесточение уголовной репрессии. Утверждения о том, что может иметь место преступная небрежность, не учитывают сущности предпринимательской деятельности, которая *a priori* заключается в рискованности, то есть предполагается, что лицо, решившее заняться предпринимательством, должно осознавать возможность причинения ущерба вследствие форс-мажорных обстоятельств, не связанных с его волей. Примером могут служить экономические кризисы конца 90-х г. XX в. и середины первых двух десятилетий XXI в.

Во-вторых, говоря о наличии преступного легкомыслия в данном составе, следует также понимать, что предпринимательская деятельность не зависит лишь от лица, ею занимающегося, а находится в зависимости от различных рыночных факторов, политики государств и иных обстоятельств, поэтому рассчитывать только на свои силы здесь нельзя.

Более обоснованной видится позиция, согласно которой незаконное предпринимательство может совершаться исключительно с умышленной формой вины. Но спорным остается вопрос об установлении разновидности умысла при совершении незаконного предпринимательства. Так, Л. С. Аистова считает, что причинение крупного ущерба в форме прямого умысла здесь исключается, иначе речь должна была бы идти о составе иного преступления, например, мошенничества, то есть ущерб причиняется в виде

незаконного противоправного завладения чужим имуществом путем обмана. Такой же позиции придерживается и С. А. Плотников.

Существует позиция, согласно которой в преступлениях в сфере экономической деятельности, в частности, в незаконном предпринимательстве, возможен только прямой умысел. Г. А. Есаков отмечает: «Вид умысла <...> определяется волевым отношением не к этому признаку (крупному ущербу), который предназначен всего лишь для отграничения преступления от иных правонарушений, <...> а к действиям, характеризующим объективную сторону соответствующих преступлений и в концентрированном виде выражающим их общественную опасность. <...> В случаях, когда последствие отграничивает преступление от иных правонарушений либо дифференцирует ответственность, умысел должен признаваться прямым, если он был направлен на совершение заведомо незаконных действий (бездействия)»¹².

Видится, что обе представленные позиции небезосновательны и подкреплены соответствующими аргументами, но, подводя итог по этому вопросу, хотелось бы выделить следующее: когда извлекается доход

в крупном размере, трудно говорить о какой-либо иной форме вины, кроме как о прямом умысле, поскольку в этом случае лицо, совершая незаконное предпринимательство, и осознавало общественную опасность своего поведения, и желало наступления соответствующего результата, в противном случае оно просто бы не стало заниматься данной деятельностью.

В вопросе о разновидности умысла в случаях, когда причиняется ущерб, уместным будет также аргумент о том, что данный ущерб может быть причинен и не по воле «незаконного предпринимателя», а вследствие иных социально-экономических факторов, действие которых никак не зависит от статуса регистрации лица или наличия (отсутствия) у него лицензии. Отсюда вытекает, что наиболее точным будет тезис, высказанный Г. А. Есаковым: «умысел может быть только прямым, сводясь к осознанию общественной опасности совершаемого действия (бездействия) и желанию его совершения; возможность же наступления предусмотренного законом последствия должна всего лишь осознаваться (предвидеться) виновным как неисключенная вне аспекта желания (нежелания) его наступления»¹³.

¹² Есаков Г. А. Вина в преступлениях в сфере экономической деятельности (о некоторых проблемах) // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт. Материалы III совместного российско-германского «круглого стола». М., 2012. С. 57.

¹³ Там же. С. 59.